

«НАРОД — НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ МОЕ...»

150 лет назад родился казахский
поэт Жамбыл Жабаев

Многие десятилетия в литературе, духовной жизни братских народов, в казахской и русской культуре по-особенному звучал голос Жамбыла Жабаева, за пределами родины известного как Джамбул Джабаев. И дело не только в том, что начиная со школьной скамьи поэзия Жамбыла сопровождала нас наряду с произведениями А.Пушкина, М.Лермонтова, П.Тычины, С.Стальского. Поэт, как, быть может, никто другой, был певцом и глашатаем братства и дружбы людей.

*Вернулась волшебная юность
моя,
Меня окружает родная семья:
Со мною в богатстве кастекских
долин
Любимые братья — узбек и
грузин,
Татарин и русский, башкир и
киргиз,
Для них моя юрта, для них мой
кумыс.
Для них моя песня и сердца
привет,
И дружба святая на тысячу лет!*

Так пел Жамбыл Жабаев, великий казахский акын, проживший без малого столетие. И эти строки мудрого патриарха народной поэзии будут, скорее всего, актуальными всегда.

Примечательно, что празднование отмечаемого в эти дни в Казахстане полуторавекового юбилея акына началось нынешней весной в России: в рамках Дней культуры Казахстана в Москве в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание и концерт казахстанских мастеров искусств, были организованы книжная выставка в Российской государственной библиотеке, выставка современного изобразительного искусства Казахстана в Государственном музее народов Востока.

Насыщенные юбилейные мероприятия продолжились в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В городе на Неве состоялась открытие мемориальной доски на улице Жамбыла, торжественный вечер, встречи писателей Казахстана с интеллигенцией города, концерты в городах Выборг и Волхов.

Вызвавший широкий интерес к Казахстану и отмеченный ЮНЕСКО Год Абая плавно перевел наше внимание к творческому наследию Жамбыла, составившего вслед за Абаем целую эпоху в развитии казахской народной словесности. Трагический странник, в поисках счастья кочевавший по степям и столетиям (каким видел казахский народ его певец Мухтар Ауэзов), не мог оставить потомкам материального следа, но даровал драгоценные памятники художественной словесности. Поэтический дар народа вызвал к жизни особый тип поэта — акына, певца-импровизатора и хранителя созданных ранее поэтических сокровищ. Именно акынам обязаны мы возникновением и сохранением блестящих образцов народной поэзии.

Появившегося на свет сто пятьдесят лет назад в южной зимой малыша назвали именем близлежащей горы — Жамбыл. Потом все сложилось так, как напутствовал Жамбыла отец: возвышая свой род, он рос, становясь «приметен, как эта гора». За его плечами — обыкновенное степное детство ребенка из бедной казахской семьи в юрте из черной кошмы, скитания по Семиречью и страстная мечта стать домбристом и певцом: «Мне казалось, что звенит не домбра, а мое молодое сердце... и нет уголка в степи, где меня не было бы слышно».

Четырнадцатилетним акын покинул отцовский кров, в двадцать лет пережил трагедию любви. Получив вскоре по древней традиции благословение от своих предшественников-акынов, молодой поэт жадно впитывал в себя историю и искусство своих предков. Скитаясь по степи, Жамбыл создал множество произведений, сочинил блистательные поэмы о батырах Утегене и Суранчи, пел о Манасе, Коркуте и Кобланды, проявил подлинную народность своего творчества в глубинных связях с вековыми мотивами борющейся с пороками и ищущей правды поэзии своего народа.

Владея в совершенстве искусством импровизации, Жамбыл скоро стал признанным мастером поэтического спора — айтыса, превращаемого им яркостью экспромтов, силой логически отточенных мыслей, изощренной тонкостью полемики и неожиданностью острот в захватывающий театральный поединок. Айтысы акына передавались из уст в уста, таким образом сохраняясь в народе, а позже записывались. Айтыс сложился как жанр, утверждающий достоинство рода; исполненная страстей аудитория разделялась, отстаивая своего акына, напряженно, не проронив ни слова, ловя меткие находчивые реплики и ответы спорящих певцов. Состязание длилось до тех пор, пока один из акынов не затруднялся с ответом или не повторял пропетого ранее.

Займствуя из традиций национальной поэзии романтическую героиню подвига борцов за свободу, Жамбыл противопоставляет роду народ, соперживая его судьбу, очерчивая картину лучшей жизни аула:

*Нам о народном единстве
лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге
нам,*

— требует акын от своего соперника. Обновляя содержание айтыса, вплетая критические и реалистические мотивы в эпическое повествование и лирические монологи, Жамбыл соединил традиционные приемы песни с зарисовками окружающей его противоречивой реальной жизни.

Позже, после Октябрьской революции, покоряя новую вершину творчества, великий акын вновь ожил весенним полноводьем песни: он творил, как юноша, — сильно, с подъемом и горячим желанием. Вдохновение девятистолетнего акына не могло не вызывать восхищения людей. Воистину в искусстве не бывает старости.

Жамбыл в «мужественных в своей простоте» эпических песнях (М.Шолохов), уходящих корнями в народное творчество и питаемых жизнью, воспел величие человеческого духа. Один за другим к переложению поэзии всенародно известного акына подключаются все новые переводчики: П.Кузнецов, К.Алтайский, А.Тарковский, Д.Снегин, М.Тарловский, Я.Смеляков, В.Потапов, С.Маршак, М.Исаковский, П.Шубин, Н.Сидоренко, А.Брагин, А.Жовтис, В.Копытин, П.Богданов, Д.Бродский. При жизни поэта даже образно называли «Гомером своего столетия», Бояном — великаном народной поэзии...

Жамбыл хорошо осознавал важное значение перевода его произведений на русский язык. Обращаясь к своему переводчику, он говорил: «Ты взял меня за руку, повел на высокую гору и сказал: «Пой!» Я запел. Теперь я вижу с горы столько земель, и все страны и народы слушают меня».

Выступая на торжественном заседании в августе 1995 г., посвященном 150-летию Абая, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подчеркнул, что завещание выдающегося поэта «Люби, мой брат, все человечество» выражает основополагающий принцип всечеловеческого единства и братства. Это в полной мере можно отнести и к творчеству Жамбыла.

Жамбыл с воодушевлением воспринял рождение новой жизни, и слова его песен сложились как бы среди праздничного веселья, в толпе слушателей, согласно внимавших акыну.

*Силы собери свои, Жамбыл...
Песню ты сложи, и даст покой
Юность, что стоит перед тобой.
Ты, Жак, не на чужом пиру, —
Для свободной молодости спой.
Не скупись! Открой сундук,
старик,*

*Отвори поэзии рудник,
Одари глотком живящим нас,
Слов неиссякаемый родник.*

Исключительный духовный подъем акын пережил в годы Великой Отечественной войны. Порыв души Жамбыла слился с потоком народной любви к Отчизне и острой болью за ее будущее, и само имя певца стало одним из ярких символов величия и легендарной силы духа соотечественников.

От начала и до конца войны поэзия Жамбыла вдохновляла людей на подвиги на фронте и в тылу, вселяла уверенность в конечную победу. В музее Жамбыла в Алма-Атинской области хранятся десятки писем, в которых воины Советской Армии обращаются к своему акыну с выражением глубокой благодарности и любви. Его стихи в годы войны были очень популярны, и особое место в творчестве Жамбыла занимает знаменитая песня «Ленинградцы, дети мои!»

Тот, кто пережил ленинградскую блокаду зимой 1941 — 1942 годов — голод, холод, бомбежки, смерть, никогда не забудет поэтического послания, с которым обратился Жамбыл к жителям города на Неве в сентябре 1941-го. Недаром он, как солдат, был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Всеволод Вишневский, находившийся в блокадном городе, писал: «В самые тяжелые дни Ленинграда — осенью 1941 г. — достойнейший Джамбул обратился к нам — защитникам города, с вдохновенным призывом. Без слез и чувства радостного волнения не могли мы читать это послание. Мы ощутили, что это письмо так же ценно, как подход сильного резерва. Народ Казахстана слал свой братский привет, любовь и дружбу, и мы шли в бой, удвоив силы...» Вера Инбер вспоминала: «В дни войны в блокадном Ленинграде, на стенах разбомбленных домов, рядом с военными сводками были развешены стихи казахского поэта Джамбула. Нас, которым было холодно, Джамбул согрелал далеким солнцем своих степей».

«Ленинградцы, дети мои!» — голос поэта-мудреца звучит на предельном напряжении. Это час народных тревог, когда нет времени для колебаний, отступлений — все решает мгновение, от которого зависит жизнь и смерть миллионов ленинградцев, быть может, всей страны. Былинные герои представляются акыну ленинградцы, которые ежечасно, ежеминутно находятся в опасности. И перед взором акына разворачивается грандиозная картина борьбы добра и зла.

В своей «Песне об искусстве» Жамбыл размышляет о том, что искусство должно быть «нежнее ребенка» и одновременно обладать «могучей силой батыра». Предназначение же поэта для него оставалось неизменным всегда:

*Акын вдохновенный и славный
лишь тот,
Чью песню лелеет и любит
народ,
Чью песню лелеет родная
страна,
Чью песню и подвиги любит
она,
Величем народных героев
полна!
Бессмертное слово проходит
в века...*

В наше непростое время особенно важным представляется для нас, для каждого народа осознание самого себя, собственного места в человеческом сообществе, восстановление памяти о тех, кто был незаслуженно забыт. Нужно снова открыть их для себя, вновь познакомиться с ними молодое поколение, чтобы они чувствовали времен связующую нить. Год юбилея Жамбыла, мы уверены, станет хорошим поводом к второму открытию поэта. Это будет еще одной предпосылкой для духовного возрождения наших братских народов России и Казахстана.

Жамбыл, подлинный любимец народа, создал свою с ним слиянность: «Жамбыл — это имя простое мое. Народ — настоящее имя мое». Отношение народа к поэту общенно и емко выразил В.Лебедев-Кумач на юбилейном вечере в честь 100-летия Жамбыла в Москве:

*И ты ушел, домбру в руке
сжимая,
Но песня не умрет. Ее строкам
внимая,
Как о живом, мы помним о
тебе...*

**Таир МАНСУРОВ,
посол Республики
Казахстан
в Российской Федерации.**